

— Цин Ло, девушка, приведите себя в порядок, — произнесла служанка.

— Хорошо, — ответила Цин Ло.

Хотя она понятия не имела, с кем именно Чу Ли велел ей увидеться, это означало, что он начинает ей доверять и готов брать с собой на различные мероприятия, а это поистине было хорошим знаком.

С бесстрастным выражением лица она позволила служанкам нарядить и причесать себя. Немного подумав, она едва заметным жестом указала на длинное бирюзовое платье в сочетании с украшениями из нефрита, что делало её свежей и прелестной, словно распустившийся из воды лотос. Она знала, что Чу Ли всегда предпочитал скромных и элегантных женщин, так что подобный наряд был абсолютно беспримечательным вариантом. И кто знает, не случится ли сегодня вечером...

Стоило ей лишь представить возможную близость с Чу Ли, как её тут же охватило отвращение, сдержать которое стоило невероятных усилий. Однако она понимала: если Чу Ли стерпит её сопротивление раз-другой, то в третий раз уже не простит. Если в тот момент она окончательно потеряет над собой контроль, пожалуй, лучше будет просто себя усыпить! Эх...

Размышляя об этом, Цин Ло втайне спрятала в рукаве тайное зелье и под конвоем служанок направилась к выходу. Могла ли она тогда знать, что именно ждёт её впереди?

— Рабыня заслуживает смерти!

Цин Ло поняла, что мужчина, перед которым она оплошала, — не кто иной, как нынешний Сын Неба, и раз уж он запомнил её, избежать расплаты, похоже, не удастся. Стиснув зубы, она рухнула на ледяной пол и уткнулась лбом в землю, всем сердцем уповая на то, что это переменчивое и взбалмошное создание помилует её просто потому, что у него сегодня хорошее настроение. Она не боялась смерти, но умирать не хотела! Она не желала, чтобы её план мести рухнул в самом конце!

— Назови мне своё имя, — произнес Му Цинхань.

— Рабыню зовут Цин Ло.

— Тебя зовут Цин Ло? — чья-то рука внезапно сжала подбородок Цин Ло, заставляя её силой поднять голову. Цин Ло, девушка, я же говорил, тебе от меня никуда не деться, хе-хе...

Преодолевая мощный нажим Му Цинханя, Цин Ло была вынуждена поднять взгляд и увидела его красивое, но исполненное демонического очарования лицо. Она не понимала, какими именно соображениями руководствовался Чу Ли, отправляя её сюда, но знала одно: отвратительные лапы этого проклятого человека вызывали лишь тошноту!

— Ты прекрасна, — глядя на Цин Ло, Му Цинхань легко провёл пальцами по её щеке. — От такого прелестного лица у любого мужчины зайдётся сердце. Твой ван постарался на славу.

— Что... говорит Император? — ошеломленно спросила Цин Ло.

— Удалитесь все. Оставьте Цин Ло одну прислуживать.

Едва прозвучал этот приказ, окружавшие его красавицы с затаенной обидой покинули покои, и

в огромной комнате остались лишь Му Цинхань и Цин Ло. Му Цинхань в одиночку направился во внутренние покои, а Цин Ло, помедлив мгновение, стиснула зубы и последовала за ним.

В глубине комнаты стояла огромная деревянная баня, от которой поднимались легкие струйки пара, а едва уловимый аромат цветов груши наполнял воздух необычайно приятной свежестью. Му Цинхань остановился перед кадуей, а Цин Ло осторожно держалась на почтительном расстоянии, потупив взор и не смея вымолвить лишнего слова. Она не ведала, что именно затеял этот демон, но страх и давление, исходившие от него, казались на порядок сильнее, чем от сдержанного и жестокого Чу Ли.

Чу Ли, зачем ты вообще привел меня сюда! Где ты!

— Чего застыла? Иди сюда, раздевай меня, подавай мне воду для омовения.

Раздался ленивый голос Му Цинханя. Цин Ло окинула взглядом комнату и, убедившись, что других служанок поблизости нет, стиснула зубы и шагнула вперед. Выросшая в роскоши, она никогда прежде не занималась подобной прислужнической работой, не говоря уже о том, чтобы раздевать незнакомого мужчину. Ее охватило невероятное, жуткое предчувствие; дрожащими руками она растерянно попыталась расстегнуть застёжки на одежде Му Цинханя, но от волнения случайно коснулась его гладкой кожи и, точно обжегшись о раскаленный уголь, мгновенно отдернула руку.

— Ты боишься меня? — с улыбкой спросил Му Цинхань.

— Рабыня не смеет, — спешно отозвалась Цин Ло.

— Хе-хе... Оказывается, и ты чего-то «не смеешь»? Продолжай меня раздевать.

— Слушаюсь.

Цин Ло закусила губу до крови, заставляя себя выкинуть из головы любые мысли и представляя Му Цинханя обычным деревом или травинкой, однако перебороть естественную телесную реакцию не получалось.

Единственным утешением было то, что за весь вечер она почти ничего не съела, ведь она прекрасно понимала: прояви она перед Му Цинханем отвращение или тошноту, её ждала бы неминуемая смерть. Мысленно она молила лишь об одном — пережить это испытание сразу после того, как она поможет ему искупаться, — но Му Цинхань, казалось, и не думал потакать ее желаниям.

Он резким движением перехватил дрожащую руку Цин Ло, которая так и не решалась коснуться его одеяний, и легко прикусил губу побледневшей, словно полотно, девушки. После чего с довольным видом заметил, как на мгновение исказилось притворно-почтительное лицо юной особы.

Дикая кошка

Противный мужчина!

Как бы она ни старалась обуздать свои чувства, накатившая волна жуткого страха и отвращения лишила её самообладания, и она инстинктивно взмахнула рукой, изо всех сил ударив Му Цинханя туда, где он к ней прикасался.— Цин Ло, девушка, выходит, ты готова

драться независимо от того, знаешь ли ты о моем высоком положении. Не боишься умереть?

— Рабыня... рабыня... Незнакомый и вызывающий отвращение мужской запах окатил её волной. Она до крови прикусила губу, едва сдерживая слова и движения. Цин Ло раз за разом твердила себе, что нельзя проявлять неуважение к Му Цинханю, нельзя из-за минутного порыва рушить весь план, но Му Цинхань снова и снова испытывал её терпение на прочность!

— Не нужно строить передо мной эту испуганную и угодливую мордашку, у тебя выходит совсем неубедительно. Ты, конечно, красива, но мне по душе нежные и покорные женщины, а не зубастые кошечки. Скажи-ка, может, вырвать тебе все когти? Наверное, это будет забавно...

— Пусти! — отчаянно закричала Цин Ло, больше не в силах сдерживать накопившееся отвращение и тошноту. Одной рукой она зажала рот, заставляя себя не вырвать, а Му Цинхань наконец потерял терпение. С презрением отпустив её, он посмотрел на девушку, которая продолжала беззвучно давить рвотные позывы в углу, и бросил: — Какая мерзость. Я думал, подарок, который прислал Чу Ли, станет сюрпризом, а оказалась такая скучная бабёнка. Живо приведи себя в порядок.

Подарок, который прислал ему Чу Ли? Неужели Чу Ли выкупил меня вовсе не потому, что я ему приглянулась, а чтобы отдать кого-то другому? Да еще и этому ублюдку?!

Ну и подлец же ты, Чу Ли! Выходит, я была лишь посмешищем, инструментом в твоих руках! Раз уж всё зашло так далеко, планы, судя по всему, рухнули, и мне остается только рискнуть. Раз уж улики против твоего государственного переворота найти не удалось, то если Император испустит дух в твоём поместье или твои слуги оскорбят государя, тебя ведь тоже привлекут к ответственности? Хе-хе...

Подумав об этом, Цин Ло постепенно выровняла дыхание, а на её губах заиграла ледяная усмешка. Му Цинхань нахмурился, опустил голову и холодно спросил: — Ты не хочешь мне подчиняться?

— Да, — вскинув голову, бесстрашно ответила Цин Ло.

— Хе-хе... Почему же?

— Эта рабыня принадлежит князю Наньчжао, разве может одна женщина служить двум господам?

— Но раз уж Чу Ли сам привел тебя ко мне, ты уже моя женщина. Тебе не сбежать.

— Прошу позволения обдумать это.

Цин Ло слабо улыбнулась, сохраняя спокойное выражение лица. Её пальцы медленно потянулись к тайному порошку в рукаве, и, отчаянно закусив губу, она резким движением

швырнула его в Му Цинханя. Однако Му Цинхань опередил её: перехватив её запястье и глядя на рассыпавшийся по полу порошок, он с наигранным вздохом произнес: — Я же говорил, что не люблю, когда женщины мне сопротивляются. Почему ты вечно меня не слушаешь? Эх ты...

С этими словами Му Цинхань подхватил Цин Ло на руки. Чужие объятия внушали животный страх: Цин Ло отчаянно визжала, брыкалась и колотила его кулаками, но он оставался глух к её сопротивлению. Добравшись до огромной деревянной кадли, от которой еще поднимался пар, он остановился и с размаху швырнул Цин Ло внутрь.

Наконец-то отпустило...

Цин Ло почувствовала, как волосы на голове разом распустились, все мысли мгновенно растворились, и она потеряла сознание. Плотнo сомкнув веки, она снова ушла под воду, но Му Цинхань подхватил её, подхватив под мышки. Не обращая внимания на то, что с её тела капает вода, он склонился и легко коснулся губ Цин Ло поцелуем, после чего усмехнулся: — Меня зовут Му Цинхань, запомни моё имя. Ты посмела поднять на меня руку, но можно считать, что ты уже однажды умерла от моей воли, так что мы в расчете. Впрочем, ты и впрямь забавная игрушка, хе-хе... Надеюсь, Чу Ли не пожалеет об этом.

Больно! Моя голова раскалывается на части! Помню, тот император швырнул меня в воду, а потом... а потом что? Почему я ничего не помню?

Цин Ло изо всех сил попыталась разлепить резь в глазах. Тело пронзила дикая боль, казалось, у неё не осталось сил даже на то, чтобы приподняться. Держась за раскалывающуюся голову, она тяжело вздохнула: дыхание все еще было сбивчивым, а тело напоминало бесформенный кусок ваты — мягкое, совершенно лишенное сил.

Она отдернула полог и слабым голосом позвала Лоэр принести воды, но в ответ царил тишина. Когда она, преодолевая слабость, попыталась подняться сама, перед её глазами возникла чашка чая. Но протянувшие её руки принадлежали вовсе не Лоэр с её привычными нежными пальчиками.

— Ван... — Цин Ло выдавила слабую, полную горькой иронии улыбку. — Беспокоить вас, ван, эта рабыня просто не смеет.

— Пустяки, — холодно обронил Чу Ли.

На дворе уже стояли сумерки.

Цин Ло обхватила чашку обеими руками и принялась маленькими глотками пить воду. Пересохшее горло наконец-то немного смягчилось, а Чу Ли так и стоял рядом, молча наблюдая за ней. В тот миг, когда он протянул ей чашку, у неё мелькнула мысль нарочно уронить её и облить Чу Ли, но едва она решилась на этот шаг, он уже отдернул руку, заставив её горько пожалеть о медлительности. Она понятия не имела, зачем Чу Ли явился в её покои — пришел

ли он с допросом или счесться за вину, оставалось только молча ждать.

Мертвящая тишина. Цин Ло, ты, кажется, не любишь разговаривать, — наконец произнес Чу Ли. — Девушки вроде тебя обычно живые и жизнерадостные, а ты на редкость молчалива.

Рабыня глупа и косноязычна, мои слова способны лишь оскорбить высоких покровителей, так что лучше поменьше говорить, целее буду.

Хе-хе... Однако тот высокий покровитель остался тобой весьма доволен.

Правда ли... Ван намерен подарить меня этому высокому покровителю, так ведь?

Цин Ло спокойно устремила на Чу Ли свои затуманенные влагой глаза, и под этим безмятежным взглядом Чу Ли вдруг странным образом почувствовал укол совести. Она не сопротивлялась, не плакала, безропотно подчинилась его воле, но почему от нее исходила такая тяжелая, давящая тоска?

Словно... словно это я ее предал.

Но ведь она прекрасно знала, что она всего лишь ничтожная девчонка, пешка в моих руках! С чего вдруг это чувство вины, эта раздраженная тревога? Неужели из-за бормотания в бреду? Какое же... противное чувство.

Мысленно вздохнув, Чу Ли поднялся на ноги. Глядя на закатное солнце за окном, он медленно проговорил:

Ты была без сознания очень долго.

Сколько рабыня пробыла без сознания?

Два дня. Лекари уже говорили, что ты можешь не очнуться.

И правда, живучая у меня жизнь, — усмехнулась Цин Ло.

Пока ты бредила, ты наговорила странных вещей, — обернувшись, сказал Чу Ли. — Цин Ло, зачем ты на самом деле явилась в мою Резиденцию князя Наньчжао?

О чем это вы, ван? — Цин Ло испугалась, но тут же напустила на себя улыбку.

О чем я говорю, ты и сама прекрасно знаешь. К тому же во сне ты, кажется, не называла меня ваном. Ты, — Чу Ли сделал паузу, — звала меня Чу Ли.

Что? Откуда бы мне бредить во сне, да и что именно я наговорила! Он пытается выудить правду или я действительно сболтнула что-то лишнее? Проклятый Му Цинхань! Если бы не его козни, разве стала бы я подвергать себя опасности, разве вызвала бы подозрения у Чу Ли? Неужели я и впрямь выдала себя?

В голове Цин Ло лихорадочно соображала, а Чу Ли вглядывался в нее с глубокой задумчивостью.

Когда стало известно, что император положил глаз на Цин Ло и увел ее во внутренние покои, Чу Ли испытал некоторое облегчение: среди стольких женщин наконец нашлась та, что пришлось по нраву этому переменчивому правителю, и в его руках прибавилось еще одной

козырной карты. Роуцзя неплохо устроилась во дворце, но никто не знал, когда именно она может разгневаться императора, а лишняя страховка никогда не помешает. Тем более что Роуцзя рано или поздно все равно уберут... ведь она совершила то, чего делать не следовало.

Пока Чу Ли обдумывал, как лучше держать Цин Ло в узде, до него дошли вести об отъезде императора и о самой Цин Ло. Когда он примчался в Беседку шелковых бамбуков, императора уже и след простыл, а та девушка лежала на постели — слабая, с закрытыми глазами и лицом бледным, как бумага.

В комнате царил страшный беспорядок, но вовсе не такой, какой он себе представлял — всё больше походило на смертельную схватку. Глядя на пропитанную водой одежду Цин Ло, он невольно задумался: почему никто не слышал, чтобы император уходил разгневанным? Верный ли это был ход или правитель преследовал какие-то скрытые цели?

Му Цинхань... Его намерения оставались для Чу Ли загадкой.

Хотя этот император, взошедший на престол лишь благодаря происхождению от законной жены, казался с виду невежественным, высокомерным и своенравным, ему удавалось раз за разом избегать покушений, и одно лишь везение не могло послужить объяснением. Роуцзя тоже говорила, что император внешне балует ее, но никогда не подпускает к государственным делам, должно быть, все же опасаясь ее. Впрочем, оно и понятно: ведь она — родная сестра его, князя Наньчжао Чу Ли, как же Му Цинхань может доверять мне? Ха-ха...

Ох...

Девчонка на постели вдруг начала бессвязно бормотать в бреду. Чу Ли слегка нахмурился, а придворный лекарь Ван торопливо пощупал у Цин Ло пульс и доложил:

Докладываю вану: госпожа Цин Ло пробыла в воде слишком долго, а очнется ли она — теперь воля небес.

Она умрет? — спросил Чу Ли.

Этот подданный сделает всё возможное.

Постарайся выходить ее. Из стольких выращенных мной служанок лишь она привлекла внимание императора.

Слушаюсь. Если же...

Делай что должен, — мягко улыбнулся Чу Ли. — Я, разумеется, верю в медицинское искусство придворного лекаря Вана. Эту девчонку было бы жалко потерять, но если спасти ее не удастся — что ж, смерть есть смерть.

Этот подданный понимает, как поступить.

Мм. Каково ее состояние сейчас?

Должен начаться жар, бред, но после сегодняшней ночи ей станет полече.

Ясно, ступай.

Слушаюсь.

Придворный лекарь Ван откланялся, чтобы составить рецепт, а Чу Ли молча смотрел на красивое, словно у фарфоровой куклы, лицо Цин Ло. Его пальцы медленно скользнули по ее бледной щеке, после чего он поднялся, собираясь уходить. Но в самый момент его ухода Цин Ло вдруг схватила его за руку и пробормотала:

Чу Ли...

Чу Ли замер.

Он опустил голову и молча посмотрел на тонкую белую ручку, вцепившуюся в его рукав, внезапно ощутив растерянность.

Столько лет его звали не иначе как Ли-эр или ван, и лишь его княгиня-супруга неизменно с улыбкой звала его по имени — Чу Ли.

Поначалу он не привык к этому, но со временем смирился. Он привык каждый день просыпаться и видеть ее перед собой, привык встречать ее улыбку в минуты усталости и привык к тому, что она смела так дерзко, с баловством выговаривать его личное имя.

Если бы... если бы он и вправду был не князем Наньчжао, а просто Чу Ли — как было бы хорошо.

Хоть он и понимал головой, что эта низкая, холодная женщина и благородная, живая Юй Сыин — совершенно разные люди, этот незнакомый голос и столь родной тон всё же заставили Чу Ли почувствовать себя так, будто прошла целая жизнь.

Рассудок подсказывал, что это может быть чьим-то злонамеренным умыслом, но тело отказывалось ему подчиняться. Чувства, так долго подавляемые, наконец прорвали плотину: закрыв глаза, он мягко сжал ту маленькую ручку, словно держал ладонь той женщины, что навсегда покинула его.

Сыин... почему мне вдруг показалось, что я вернулся в прошлое, будто ты никуда и не уходила? Вы же с ней совершенно разные люди! Неужели у меня снова галлюцинации?

Каждый раз, когда я устаю, мне чудится, будто ты улыбаешься мне издалека, но стоит мне попытаться коснуться тебя, как ты рассыпаешься пеплом перед моими глазами, вся в крови...

Я знаю, ты ненавидишь меня.

Даже зная, что ты не могла меня предать, даже понимая всю правду, тогда я мог выбрать лишь предательство. Я не жалею о принятых решениях, да у меня давно уже нет права на сожаления. И всё же... сердце все еще может болеть, верно? Право на боль у меня ведь осталось...

Х-хе...

Не смей умирать, — глядя на сжимавшие его руку пальцы, Чу Ли насильно разжал их. — Каковы бы ни были твои цели, я вдруг расхотел, чтобы ты вот так умирала. Ха-ха...

В спальне Цин Ло растерянno смотрела на Чу Ли, а в ее голове лихорадочно крутились мысли, но она никак не могла придумать, как же ей оправдаться. Закусив губу до крови, она низко опустила голову и не смела произнести ни слова, опасаясь сказать лишнее и выдать себя. Чу Ли взглянул на нее и слабо усмехнулся:

Ты так любишь опускать голову.

Цин Ло молчала.

Она прежде тоже всегда так делала. Стоило ей в чем-то оплошать, как она тут же опускала голову и молчала, а мое сердце неизменно смягчалось, — глядя на Цин Ло, Чу Ли погрузился в воспоминания.

Твое сердце смягчалось? — Цин Ло чуть заметно усмехнулась с горькой иронией.

Впрочем, к чему тебе всё это... — Чу Ли покачал головой, и его лицо вновь обрело привычную суровость. — Отдыхай. Через несколько дней император наверняка прикажет забрать тебя во дворец.

Император... хочет забрать меня во дворец? — Цин Ло широко распахнула глаза от изумления.

Она изо всех сил старалась угодить Чу Ли, цеплялась за Резиденцию князя Наньчжао лишь затем, чтобы затаиться подле него ради мести, но никак не ожидала, что Чу Ли сам от нее избавится. Ощущение того, что ее выбросили, вновь захлестнуло ее с головой; сердце словно полоснули ножом, и она застыла статуей. Заметив ее оцепеневшее выражение лица, Чу Ли промолвил ровным голосом:

То, что император желает забрать тебя во дворец — это благо, а я всего лишь делаю выводы... Цин Ло, разве ты не хочешь во дворец?

А разве у рабыни есть выбор? — в ответ бросила Цин Ло.

Разумеется, нет, — подтвердил Чу Ли.

Ван купил рабыню как раз для того, чтобы отправить во дворец. Теперь ваше желание наконец исполнилось, поздравляю вана. Кхе-кхе...

На лице Цин Ло застыла кротчайшая улыбка, но сердце капало кровью. Из-за того, что она только что пришла в себя после беспамятства, тело ее было предельно ослабленным, и пара сказанных слов вызвала у нее приступ жестокого кашля. Она побледнела сильнее бумаги; Чу Ли окинул взглядом комнату и нахмурился:

Ты тяжело больна.

Рабыня в порядке, благодарю вана за заботу.

Чу Ли снял верхнее халатное платье. Набросив его на плечи Цин Ло — отчего та испуганно распахнула глаза, — он произнес:

Ладно, довольно слов, поправляйся. Всё это пока лишь мои догадки, а как будет на самом деле — решит лишь воля императора.

Слушаюсь, — опустила голову Цин Ло.

Ты и вправду на редкость покорная женщина, — опустив взгляд, промолвил Чу Ли. — Порой я невольно задаюсь вопросом, что же делает тебя такой покорной?